
ИСКУССТВО ЧТЕНИЯ

Михаил КАРПОВ

НЕДОСТАЮЩИЙ КЛЮЧ
К РОМАНУ М. А. БУЛГАКОВА
«МАСТЕР И МАРГАРИТА»

В предвкушении выхода новой экранизации «Мастера и Маргариты» М. А. Булгакова читаешь многочисленные анонсы, стараясь понять основную идею фильма, и приходишь к неутешительному выводу, что и нынешние авторы вслед за своими предшественниками продолжают удаляться от ключевых смыслов романа. И в том нет ни малейшей вины кинематографистов, потому что эти смыслы до конца не изучены литературоведами.

Михаил Капитонович Карпов родился в 1965 году в Гатчине. Образование среднее. Публиковался в «Гатчинской правде» и «Литературной России».

Основная причина, по-видимому, в том, что исследователями романа не был составлен исчерпывающий текстологический комментарий. Вместо него заинтересованному читателю предлагалось богатое разнообразие собственных интерпретаций. И это неудивительно: масштаб и глубина знаменитого текста подталкивали к поиску и, естественно, обретению бездны тайных знаков и смыслов. «Признание МиМ романом-загадкой стало общим местом: часть загадок романа создана самими исследователями», — замечают филолог И. З. Белобровцева и философ С. К. Кульюс и в свою очередь предлагают новую порцию загадок и отгадок. «У Б. Соколова в его „Булгаковской энциклопедии“ главная задача — обрушить на читателя всю свою эрудицию, которой позавидовал бы и Берлиоз <...> Эрудиция фонтанирует, отсекая читателя от художественного мира произведения», — пишет один из первых комментаторов Л. М. Яновская и в свою очередь увлекает читателя в свой мир реалий исторических, религиозных, политических, но далеких от собственно булгаковского текста. В итоге Яновская приходит к неутешительным выводам: «В романе булгаковед (а в булгаковеды загадочным образом идут люди, напрочь лишённые образного мышления) ищет однозначный, логически объяснимый смысл; чтобы найти этот смысл, перетолковывает, переиначивает роман, подгоняет его „под себя“, подменяет бездонное содержание великого произведения своими собственными пристрастиями или своим, нередко весьма узким, мировоззрением».

В связи с этим зададимся вопросом: а о чем, собственно, роман?

Хранитель рукописи и доверенный редактор окончательного варианта произведения Е. С. Булгакова считала, что она — прототип Маргариты, и была убеждена, что роман прежде всего о любви. Это мнение преобладало довольно долго, имена любовников успели стать нарицательными, что можно подтвердить строкой из песни 80-х годов: «Мастер и Маргарита в каждой любви земной!»

В это же время, но особенно начиная с конца 80-х, филолог М. О. Чудакова, много сделавшая для истории литературы, в своем прочтении романа сделала акцент на авторском видении сталинской эпохи с ее гнетущей атмосферой травли и глумления над свободой художника. Но и эта в значительной мере конъюнктурная трактовка, во многом обусловленная произошедшей сменой идеологических ориентиров, не приблизила к постижению всей глубины «закатного романа».

Долгое время сам автор называл свое творение «романом о дьяволе» или «евангелием», но с появлением темы любви это определение отошло на второй план, продолжая, однако, оставаться основным. Образы Воланда и Иешуа брались исследовать и богословы, но их участие ограничилось обсуждением темы: «Как мог хороший русский писатель написать антирелигиозный текст?» И заканчивалось выводом: либо тексты не «антирелигиозные», либо писатель не «хороший».

Нельзя не упомянуть и плеяду исследователей различной компетенции, предлагающих оригинальные теории в качестве ключей к роману, используя многообразные источники, вплоть до самых экзотических. Но время ли привлекать вавилонские мифы или «Демонологию» короля Якова, когда не разгаданы загадки, ясно видимые в тексте? Например, почему Мастер впервые появляется перед читателем в состоянии душевной болезни, и хотя в дальнейшем она не проявляется явно, но и не говорится об исцелении от нее? Комментария по этому поводу не имеется (если не считать убогую теорию о романе как «антисоветском памфлете»), что хорошо отражается в экранизациях — в этой сцене на экране Мастер производит впечатление строгого, уверенного, пронизательного человека без тени какого-либо смятения. По тем же причинам отсутствует в экранизациях сон Босого. Для постановщика важен этот момент: а какой в этих булгаковских деталях смысл? Не понимая его, он не может использовать эти фрагменты. А филологи не дают ответа...

Но прежде попытаемся ответить на уже заданный вопрос: «О чем роман?» Отрицать, что он о любви, невозможно — глава о Маргарите начинается вполне внятным заявлением: «За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? <...> За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!» Но если со стороны Маргариты мы видим доказательства «настоящей, верной, вечной любви», то Мастер для возлюбленной ничего подобного не совершает. Тем не менее он проходит череду страшных лишений, но можно ли сказать, что терпит он их ради любви? И к кому, если не к Маргарите? А Мастер между тем часто называет свой предмет любви: Понтий Пилат! Все станет совсем понятным, если обратиться к Евангелию: «Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, аще кто положит душу свою за други своя» (Ин. 15:12—13). В Евангелии указан предел любви, которого нужно достигать. Не трусить, не останавливаться, не менять направление, не предохраняться разумными резонами, даже не ожидать случая, чтобы положить душу свою, а иметь это непреходящей целью. Мастер не только написал роман о Пилате, но и пострадал за него: потерял достаток, домашний очаг, любимую женщину, свободу и даже разум, то есть «положил душу свою» за избранника.

Может ли он еще что-то сделать во имя любви? Да, говорит Булгаков, есть еще одна вещь, по крайней мере, у писателя! ...Однажды друг Булгакова, философ и литературовед П. С. Попов, утешая опального писателя, пообещал ему: «Зато тебя ждет посмертная слава...» Для Булгакова эти слова были настолько горьки, что он не смог даже отшутиться, но впоследствии всем утешающим с большой долей самоиронии подсказывал: «Да-да-да, и еще меня ждет посмертная слава». Однако в последний год жизни, зная о своей близкой смерти, он стал относиться к такой перспективе очень серьезно. Вот ее и приносит на алтарь любви Мастер. И в итоге имени его никто не знает, свой роман он сжег, окончательно покидая землю, и судьба его никого не интересует. О нем, правда, вспоминает Иван Бездомный, но и тому Мастер — совершенный призрак — является лишь при луне и исчезает вместе с нею.

В результате Мастер сделал то, чего никто не мог сделать в течение двух тысяч лет: Пилат воссоединился с Иешуа в свете. Вот итог истинного творчества — изменять неизменяемые вещи. Роман Мастера был очень хорош, но прочитали его ТАМ лишь потому, что автор «положил душу свою за други своя».

Итак, принесение в жертву посмертной славы объединяет Мастера и Иешуа. Когда мы говорим об Иисусе Христе, то совершенно неправомерно применять к Нему понятие посмертной славы, но если все-таки мы решимся представить, что Он жертвует этой посмертной славой, то получим ситуацию, в которой оказался Иешуа Га-Ноцри. Тот, чтобы не оставить по себе доброй памяти, не произносит не только никаких премудростей, но и никаких связных речей. Ничего из сказанного им нельзя запомнить, учеников он не обрел. Левий Матвей сопровождает его инкогнито, а записи его абсолютно бестолковы. Таким образом, и Иешуа по-булгаковски исполнил евангельскую заповедь — «положил душу свою за други своя». И положил именно за Пилата. Тот раньше совершенно безразлично относился к еврейскому народу, а казнь этого простака Иешуа его совершенно преобразила: он восстал против лжи и продажности в лице Каиафы, рискуя собственной карьерой и, возможно, жизнью, решив уничтожить осиное гнездо.

«Слава, слава, слава героям, но довольно...»

И вот является Воланд. Целью своего визита он называет знакомство с рукописями Герберта Аврилакского, не называя его подлинного имени — папа римский Сильвестр II. В нашем случае этот иерарх интересен тем, что боролся с симонией в Римской церкви — продажей святительских мест за деньги. Таким образом, намекает автор

(и впоследствии доказывает), истинная цель визита Воланда — проверка продажности на вверенной ему территории. Все, кто продается, становятся рабами (можно мягче — подданными) Воланда. Но разве продажный может быть подданным, преданным или верным? Беспокойное хозяйство!

Единственный, кто ускользнул от него, Мастер, который не только привел Пилата к свету, но и сам двигается к свету. Поэтому лукавый князь заключает сделку с его возлюбленной Маргаритой и делает ее королевой сатанинского бала, что лишает ее света. А «тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит... все будет правильно, на этом построен мир», — заключает коварный мессир.

Его беспощадное коварство наглядно проявляется и в случае с управдомом Никанором Босым. Для чего нужно было Коровьеву оплачивать проживание в квартире, если Воланд и вся свита так легко растворяются в воздухе сами и совсем не церемонятся с окружающими? А если расплатился, то почему не червонцами, а долларами? Если вспомнить, что доллары в то время называли «сребренниками капитализма», то продажность Босого переходит в разряд измены. Так рядовой обыватель, грешащий временами мздоимством, оказывается в одном ряду с представителями абсолютного зла, ряду, начатом Иудой Искаротом. Именно здесь находит Булгаков корень измены, механизм перерождения и показывает в сне Босого, как искоренить порочную заразу — собранные перерожденцы в классическом театральном зале внимают шедеврам мировой культуры, обличающим сребролюбие: сначала монолог из «Скупого рыцаря» Пушкина, затем куплеты Мефистофеля из оперы Гуно «Фауст». И вот уже очистившийся от скверны сдает свои доллары. И здесь нельзя подозревать автора романа в иронии или сарказме. Достаточно внимательно прочитать две строфы арии Мефистофеля, чтобы оценить ужас поклонения золотому тельцу. Затертая нынче до пошлости строка «люди гибнут за металл» показывает все безумие ситуации — для людей достойно гибнуть за Родину, за други своя, за высокие идеалы, за какую-либо стоящую идею. А металл свою презренность сообщает и гибели, и жизни, и всему достоинству человека. «Фауст» — любимая опера Булгакова, в преображающую силу которой он верил. Кстати, всем известны его любимые оперы — кроме названной, еще «Гугеноты» Мейербера и «Аида» Верди. Арии из них постоянно звучали в его душе, и хотя в них присутствуют и любовники, умирающие друг за друга, и даже королева Марго, исследователи не удосужились внимательно изучить тексты либретто.

Таким образом, М. А. Булгаков цель творчества видит в том, чтобы очищать человека от пороков и укреплять в добродетелях, и не только художественными средствами, но и личными жертвами, а мастером художник становится тогда, когда жертвует своей жизнью и преобразует мир.

В противовес автор показывает сборище собратьев по перу, насквозь продажных, грызущихся из-за материальных выгод, но при этом уличающих Мастера в несоответствии его творчества социалистическим идеям. Если вместо этих идей подставить идеи гуманизма и права человека, можно увидеть отражение нынешней ситуации в культуре.

Итак, очевидно, что роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» не только о любви, но и о смысле творчества, о волшебной силе искусства и Мастере, овладевшем этой силой.